

*Посвящается девушкам,
которые сами усвоили, что такое любовь...
Вы превратили осколки в броню,
а шрамы — в истории*

Но даже сто лет
для верного сердца —
один лишь миг.

*«Спящая красавица»**

* Цитата из мультфильма
«Спящая красавица»
(«Дисней», 1959).

САУНДТРЕК

- Come Away With Me – Norah Jones
All You Wanted – Michelle Branch
After Tonight – Justin Nozuka
100 Ways – Jackson Wang
everything sucks – vaultboy & Eric Nam
What I'm Missing – Timmy McKeever
Colors – Halsey
Have We Met Before – Sarah Barrios & Eric Nam
Back to Me – The Rose
Slow – Jackson Wang & Ciara
Invitation – JUNNY ft. Gaeko
vampire – Olivia Rodrigo
Shameless – Camila Cabello
It's You – HENRY
lowkey – NIKI
Pacify Her – Melanie Martinez
Honey – Kehlani

Does She – Yuna & Jay Park
La La La – Naughty Boy & Sam Smith
She's In The Rain – The Rose
deja vu – Olivia Rodrigo
Hearts – James Lee
chances – thuy & DCMBR
LIKE THAT – BABYMONSTER
Other People – Amber Liu
It's You – MAX ft. keshi
Memories – Conan Gray
Shouldn't Be – Luke Chiang
Losing You – FLO
Still Life – BIGBANG
COME BACK HOME – 2NE1
Sinking – James Lee ft. Shan Yichun
Bed Peace – Jhené Aiko & Childish Gambino

ПРОЛОГ

= *Трайлар* =

Я не героиня своей истории.
Но и не злодейка.
Я второстепенный персонаж в чужих книгах. Нежеланный ребенок, которого не смогли полюбить даже собственные родители.

Я жила в тени между исписанных страниц чьей-то сказки, словно увядающая роза. Пока *он* не вызволил меня из удушающего плена бумаги, окутав светом, и я не превратилась в человека, которым, как он знал, могла стать.

Оливер фон Бисмарк.

Мой лучший друг. Мое тайное страстное увлечение. Моя первая любовь...

А что же сейчас? Мой заклятый враг.

Может, Олли и позабыл меня, но я помню, какие шрамы он оставил. Говорят, лучшая месть — быть непохожим на своего врага. Я выросла доброй, надежной и ответственной. Наделенной теми качествами, которых ему недоставало.

По его милости я больше не роза.

Я шип.

ГЛАВА 1

= *Брайан Роуз* =

Четырнадцать лет

Его здесь нет. Хватит его высматривать.

Я отвернулась от гостей званого вечера и заставила себя сосредоточить взгляд на волнах, бушующих под зловещей луной. Звездное небо составило мне компанию, когда я уселась на каменную террасу Шильонского замка.

Вокруг суетились люди: танцевали, флиртовали, смеялись, *жили*. Но я еще никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Каждое лето фон Бисмарки устраивали грандиозный бал по случаю своего приезда в Швейцарию. Сотни потомственных европейских аристократов и магнатов слетались в роскошный средневековый замок на берегу Женевского озера, чтобы покичиться связями с одной из старейших в мире королевских династий. Двое из них — мои высокомерные родители.

Оливер уже должен был прийти, бродить по коридорам или планировать какую-нибудь изощренную выходку. Он эффектно появится, когда будет готов, и ни минутой раньше.

Не ищи его. Имей хоть каплю самообладания.

Слишком поздно.

Мое вероломное тело будто не повиновалось мне, заставляя вновь повернуть голову к гостям и высматривать светло-золотистые локоны и озорные глаза Оливера.

Открытый балльный зал заполнили танцоры, лишая меня всякой возможности разглядеть его в толпе. Вечерние платья пастельных цветов, шурша, легко кружили по каменному полу, словно облака сахарной ваты.

Вычурный оркестр, расположившийся на многоярусной сцене, радовал гостей струнами первого номера сюиты из музыки к «Маскараду» Арама Хачатуряна*. Одно из моих любимых вальсов.

Я разгладила подол платья приглушенно-розового цвета, зная, что родители не станут меня ругать, если испачкаю его об оголившиеся кирпичи террасы. Чтобы сделать замечание по поводу вопиющего неуважения к атласному платью, сперва им нужно заметить, что я жива. А они изо всех сил старались забыть это досадное обстоятельство.

Я посмотрела вниз на веранду. Если упаду, то ударюсь о крышу и скачусь с нее на гравий. Высота здесь этажей в десять, может, двенадцать. Хватит, чтобы разбиться насмерть. Я повернулась к родителям, которые стояли рядом с друзьями в паре метров от меня.

Даже не замечали, что я сижу на краю.

Они вообще меня не замечали.

— Итак... — Женщина в оливковом платье посмотрела на моих родителей поверх бокала с шампанским, своим роскошным акцентом добавляя звуки там, где не нужно. — Куда теперь отправитесь, раз филиал в Цюрихе готов к работе?

* Арам Хачатурян — армянский советский композитор, дирижер и педагог. Имеется в виду сюита из музыки к драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Состоит из пяти номеров: Вальс, Ноктюрн, Мазурка, Романс и Галоп.

Папа работал в «Луксор траст», элитном инвестиционном банке, в котором специализировались на том, что «массировали яйца богатым мудакам». Его слова, не мои. Он занимался управлением, и в его должностные обязанности входило целовать несусветное количество задниц, открывать новые офисы, чтобы удовлетворить международный спрос на услуги «Луксора», и таскать нашу семью во все уголки света, в которых проживали миллиардеры.

Я с пеленок знала только содержимое чемодана. Дом был абстрактным понятием. Тем, что имели другие дети. К четырнадцати годам я успела пожить в Лондоне, Токио, Париже, Монреале, Цюрихе, Эр-Рияде и Будапеште.

Несмотря на американское гражданство, за всю жизнь я провела в Штатах от силы несколько месяцев. Когда меня спрашивали, откуда я родом, я отвечала, что из Нью-Йорка. Но на самом деле у меня не было родного города. Моя история не имела начала.

Это изменится, если Оливер фон Бисмарк сможет подействовать. Вернее, если ты сумеешь его уговорить.

— Ой, даже не спрашивай о нашей следующей аванюре. — Мама пригладила черный боб ухоженными пальцами, свободной рукой впиваясь в папин костюм от Prada. — Компания Джейсона хочет, чтобы он открыл филиал в Буэнос-Айресе. Ты же знаешь, как я люблю этот город. Я и сама наполовину аргентинка.

— А как Брайар Роуз переносит все эти переезды? — Муж миссис Оливковое Платье поворачивал вино в бокале. — Как-то раз мы с Фабьен перебрались на Аляску на три года. По работе, разумеется. Дети чуть с ума не сошли. Видать, подростку нелегко приходится.

— Она всегда преуспевала в учебе. — Мама выпрямилась, будто кол проглотила. Так случалось всегда, когда поднималась ее нелюбимая тема — обо мне. — Обучалась на дому с лучшими

европейскими репетиторами и на следующей неделе заканчивает курс многомерного математического анализа в Оксфорде. В прошлом году Ле Рози дважды приглашали ее к зачислению, но вы же знаете, как все обстоит при частых переездах. — Она натужно выдохнула сквозь зубы. — Очень сложно брать на себя какие-либо обязательства.

Только она умолчала, что я проходила этот курс лишь потому, что услышала, будто Оливер может на неделю приехать в Бирмингем. А это всего в часе пути на поезде от Оксфорда.

Ты даже не пытаешься держать себя в руках, Брайар Роуз.

Этот момент был упущен, когда я начала просматривать желтую прессу, пытаюсь найти новости о семье фон Бисмарк среди статей о подозрительном потреблении авокадо королевской семьей и громких разводах в Голливуде.

Оливковое Платье похлопала маму по плечу.

— Что ж, Брайар Роуз всегда была способным ребенком. В этом никогда не приходилось сомневаться.

В отличие от этой незнакомки, я не обманывалась, принимая мамину оценку моих академических успехов за восторженный отклик о вашей покорной слуге. Ведь защитная реакция хлестала из нее, словно вода из треснувшей плотины. Мама так напряглась, что могла повалиться от малейшего порыва ветра.

Миссис Оливковое Платье цокнула с притворным сочувствием.

— А как у нее дела с социальной жизнью?

— С социальной... — Мама так плотно сжала губы, что впору раскрошить бриллианты. Всякая теплота отхлынула от ее лица. — Она немного застенчива и скромна по характеру. Не думаю, что ее это сильно волнует.

Волнует, мам. Настолько, что порой задыхаюсь.

— И бога ради, не можем же мы все бросить ради ребенка. — Папа забрал у мамы бокал с шампанским и небрежно поставил его на поднос проходившего мимо официанта. —

Современный подход к воспитанию детей не для нас. Нынче люди растят избалованных паршивцев.

Глаза зашипало. Я заставила себя сосредоточиться на танцующих парочках, чтобы заглушить боль. Двигала ногами под слоями ткани в такт вальсу, ударяя ими о перила террасы при каждом взмахе.

Правая нога назад. Левая — в сторону. Обе ноги вместе. Левая — вперед. Правая в сторону. И с начала.

Мышцы покалывало. Все тело хотело танцевать. Я, словно зачарованная, наблюдала, как люди кружили, покачивались и наклонялись в танце, а от их смеха по спине бежали мурашки, как от глотка эспрессо.

Буэнос-Айрес.

Я впервые услышала об их планах. Джейсон и Филомена Ауэр никогда не позволили бы ребенку задавать вопросы не к месту и уж точно не о будущем, которое они полностью контролировали.

«Подобные эгоистичные вопросы огорчают твоего отца, — ругала мама, стоило мне заикнуться о наших постоянных переездах. — Неужели тебе не стыдно быть такой неблагодарной и избалованной? По-твоему, все дети живут в такой роскоши?»

Нет. Я вовсе так не считала.

Беда в том, что я не хотела дизайнерской одежды, пентхаусов в небоскребах и шикарных ресторанов. Я хотела преданных друзей, домашней еды и ленивых вечеров за игрой в рамми вместе с родителями во время каникул.

Все то, о чем Оливер фон Бисмарк рассказывал такие красивые и чуждые истории. Я даже не верила, что подобное и правда бывает. И все же отчаянно хотела.

Однажды ты это обретешь.

Счастье. Свободу. Таких близких друзей, что они станут тебе семьей.

Мама вздохнула:

— В любом случае мы нашли решение.

Вот это новости. Решение? От моего одиночества? Может, мне наконец-то разрешат завести собаку.

— Да? — Я повернула голову и успела заметить, как Оливковое Платье подалась вперед. — Какое же?

Папа покрутил запонку, пока не выровнял изображение нашего семейного герба.

— С сентября Брайар Роуз будет учиться в Сюрваль Монтрё. Кровь застыла в жилах. Сюрваль Монтрё — женская школа-интернат. В Швейцарии. Меня бросят здесь одну. Они даже не обсудили это со мной.

— Сюрваль Монтрё? — Наряд госпожи Оливковое Платье заколыхался, когда она поехала, будто ей становилось дурно от одной мысли об этом. — Почему не в Ле Розы?

Мама принялась вертеть жемчуга от Mikimoto, лежавшие на ее ключицах, и отвела взгляд, будто разговор ей наскучил.

— Мы же не можем допустить, чтобы она шаталась по Европе с мальчиками, оставшись без присмотра?

Иначе говоря: зачем устраивать ненужный скандал, когда моя дочь может попросту быть несчастной?

Папа положил ладонь маме на поясницу и посмотрел на нее так, будто только она важна в его жизни. Так и было. В конце концов, я для него не существовала.

— Так будет лучше для всех. — Он помассировал ей поясницу поверх платья Oscar de la Renta. — Нашей последней остановкой был Цюрих, а еще Брайар Роуз превосходно владеет французским. Школа предлагает углубленную программу изучения предметов, так что проблем с переводом не возникнет. У нее будет предостаточно возможностей найти новых друзей.

Меня отправят в школу-интернат.

Бросят в Европе, а сами глазом не моргнув переедут в Южную Америку.

И что хуже всего? Пусть я дрожала от ярости и страха, все равно не могла найти в себе силы, чтобы дать им отпор. Вмешаться. Сказать, что я ни за что не соглашусь жить отдельно. Не потому, что они замечательные родители, а потому, что только они давали мне чувство стабильности, как бы жалко это ни было.

— Обнимашка? — Знакомый тенор вырвал меня из вязких, как смола, мыслей.

Я резко обернулась на голос.

Его обладатель неспешно шел ко мне в сшитом на заказ костюме. Все вокруг останавливались и провожали его взглядом, но он смотрел только на меня.

Мы встретились взглядами, и он приподнял уголок губ в неподражаемой хитрой улыбке.

Меня охватила необузданная радость. Мимолетная, словно легкий поцелуй, но я не стала за нее цепляться. Знала, что она вернется.

Потому что *он* наконец-то пришел.

Оливер фон Бисмарк.

Граф Каринтии.

Старший сын Феликса фон Бисмарка, герцога Каринтии.

И мой личный крах.

ГЛАВА 2

= *Юрайар Лоуз* =

Г*ермес.* Вот кого он мне напоминал. Греческого бога плодородия, музыки и обмана. Всего порочного. С волнистыми волосами цвета пшеницы, голубыми глазами и аристократическими чертами лица. Единственным несущественным изъяном в его богоподобной внешности стала торчащая прядь волос. Этот завиток казался мне личной победой. Доказывал, что он смертный, такой же, как мы, а не совершенно оторванный от остальных.

Олли нахмурил брови.

— Эй, что случилось? — Он взял меня за руки и отвел от края террасы. — Ты сидишь слишком близко к краю, и вид у тебя такой, будто сейчас расплачешься.

Я и правда была готова расплакаться. Родители бросают меня в Швейцарии. Они вообще собирались мне об этом сообщить? Или я однажды просто проснусь в пустом доме?

Ладони вспотели. Если бы я чувствовала хоть что-то, кроме глубочайшего потрясения, то наверняка оказалось бы, что они похолодели от паники. Я хотела рассказать ему все. Но в то же время не говорить ничего. Все-таки Оливер фон Бисмарк — единственный человек на свете, который не считал меня кем-то незначительным. Я не стану обременять его своими проблемами. Наше совместное лето должно быть веселым. *Легким.*

Я заставила себя рассмеяться, встала на ноги и отряхнула зад от мелких камушков.

— Правда?

— Ага. У тебя подводка потекла. Только не говори, что это новый тренд. Прошлым летом было модно наращивать волосы в носу. Тебе никогда не понять, каково после жутко долгого перелета увидеть, что на взлетной полосе полно фурри*. Я подумал, что приземлился не на той планете.

Едва не рассмеявшись, я отвернулась, чтобы вытереть тушь, которой меня силком накрасил мамин визажист. На меня разом обрушилась вся мощь внимания толпы. Я никогда к нему не привыкну. Впрочем, это и не нужно. Такое случалось только в сопровождении Оливера. Он словно обладал собственной силой притяжения, и, когда подходил ближе, никто не мог ей противостоять.

— У меня глаза щиплет. Наверное, потому, что подошла слишком близко к фэйер-шоу внизу. — Я бесцельно брела среди любопытных светских персон. — Чем хочешь заняться?

Мы всегда исследовали разные места, пробирались на кухни и воровали пирожные, когда официанты отворачивались. У нас было негласное соглашение проводить все лето вместе. Наши родители владели домами у озера, которые разделяли три участка. Каждый год я с замиранием сердца ждала, что Оливер вдруг передумает и поедет в летний лагерь с друзьями из столичного округа. Но он всегда возвращался ко мне.

Олли нагнал меня, глядя с высоты своего невероятного роста.

— Сначала потанцуем. — Он взял меня за руку и потянул на танцпол.

Я с тихим вздохом уперлась в его грудь, не готовая поднять взгляд и посмотреть ему в глаза. Оливер был умопомрачи-

* Субкультура, объединяющая людей, которым нравятся антропоморфные животные, то есть животные с человеческими чертами.

тельно красив, но в то же время он был моим лучшим другом. Вернее, единственным.

Я не сомневалась, что к своим пятнадцати годам Олли перецеловал множество девушек, и это подозрение ужасно меня злило. Я хотела разделить с ним свой первый поцелуй, но меня безумно пугала вероятность лишиться того, что мы имели.

— Потанцуем? — Я хмыкнула, пытаюсь расцепить наши пальцы. — Ты ненавидишь танцевать, Олли.

— Боюсь, не могу упустить возможность тебя опозорить.

— Только сам опозоришься.

Неправда. При желании Олли мог бы участвовать в профессиональных соревнованиях. Как только он научился ходить не падая его бабушка пруссачка, шестикратная победительница фестиваля в Блэкпуле*, научила его базовым танцевальным шагам.

— Я слишком привлекателен — себе на беду. — Он отвел меня на середину танцпола и остановился. — Нужно же хоть что-то делать отстойно.

Оливер наклонил голову и посмотрел на меня. В его глазах виднелся озорной блеск, а на пухлых губах играла опасная ухмылка. Сердце разлетелось миллионом бабочек. Если родители уедут, это лето станет последним, что мы проведем вместе? От этой мысли стало дурно. Я подавила тошноту и взяла его протянутую руку. Как только он сжал мои пальцы, музыка стихла.

Я выхватила ладонь, надеясь, что раскрасневшиеся щеки не выдали волнения.

— Чудом спаслись.

Оливер расправил плечи и снова взял меня за руку, будто это совершенно естественно.

— Ты погоди.

* Ежегодный конкурс бальных танцев, проходящий в городе Блэкпул, Великобритания.